

Переводчик: Simlirr

Редактор: Naides

В общей сложности разговор длился примерно час, и Минлань подслушала его от начала до конца. Когда старшая пожилая госпожа, наконец, устала, и Шэн Юнь повела её в кровать, Минлань поняла, что пришло время выбираться. На тяжёлых негнущихся ногах она кое-как добралась до лаза и принялась протискиваться через него. Её ноги покалывало настолько сильно, что Минлань шла, прихрамывая на обе ноги, словно старушка. Её переполнял страх быть пойманной, однако она даже не забыла вернуть бочку для воды на место и замаскировать лаз травой.

Поскольку вся её одежда была покрыта грязью, Минлань не рискнула возвращаться в свои покои. Вместо этого она направилась в покои Пиньлань. Проскользнув внутрь, она увидела, что её дражайшая напарница томилась в ожидании. Заметив Минлань, она тут же улыбнулась ей и протянула сменную одежду.

Вместо благодарности Минлань принялась тягать её за щёки. И, лишь выпустив пар, она начала переодеваться. Когда Минлань сняла одежду, они были ошеломлены тем, насколько сильно опухли локти и колени Минлань. Зрелище было весьма пугающим, особенно чётко выделялись следы каменных плиток, на которые она опиралась. Пиньлань намазала Минлань какой-то мазью и какое-то время массировала её, после чего налила ей чашку имбирного чая, чтобы та согрелась. Но даже спустя все эти процедуры на её бледной коже до сих пор ярко виднелись голубовато-пурпурные синяки. Минлань была не слишком-то довольна этим, она вновь принялась тягать Пиньлань за щёки так сильно, что та едва ли не кричала от боли. Однако она стойчески вытерпела своё наказание, после чего извинилась.

К тому времени как синяки Минлань практически исчезли, старшая пожилая госпожа Шэн созвала старейшин семейств Сунь и Шэн, а также других, знакомых с проблемой старейшин округа и, наконец, госпожу Сунь и её сына, намереваясь решить эту проблему раз и навсегда.

В обычной ситуации Пиньлань ни за что бы не пустили на это собрание, так что она целых полдня умоляла свою мать, чтобы ей позволили послушать хотя бы издалека, однако Ли Ши совершенно не хотела, чтобы её дочь услышала споры и перепалки между старейшинами, так что она упорно отказывалась. Положение изменила старшая пожилая госпожа.

— Пиньлань уже не ребёнок, — заметила она. — Пора бы показать ей сложности жизни, иначе она вырастет слишком хрупкой и не сможет справиться с подобным самостоятельно.

Старшая пожилая госпожа имела иной взгляд на жизнь: она полагала, что сорняки более

устойчивы, нежели орхидеи в качестве декоративных растений. Ли Ши не могла спорить со своей свекровью, так что ей не оставалось ничего другого, кроме как одобрить присутствие Пиньлань. Обрадованная этой новостью, Пиньлань сразу же направилась к Минлань и принялась уговаривать её:

— Давай пойдём вместе.

Минлань очень хотелось пойти, но сперва она пошла просить разрешения у своей бабушки. К её удивлению, пожилая госпожа Шэн даже не пыталась помешать ей. Так что, обрадованные, они вдвоём проскользнули в одну из боковых комнат главного зала.

— Надеюсь, их разобьют в пух и прах! — взволнованно воскликнула Пиньлань.

Проскользнув внутрь, они увидели там Шулань, сидевшую с бледным, словно мел лицом.

— Старшая пожилая госпожа велела нам прийти сюда, — принялась объяснять стоявшая рядом с Шулань служанка. Минлань и Пиньлань переглянулись, они поняли, что старшая пожилая госпожа приготовила сильнодействующее лекарство, чтобы избавить Шулань от иллюзий по поводу её мужа.

Увидев, как слуги обходительно приветствуют их, Сунь и его мать решили, что семья Шэн собирается сдаться. Однако, войдя внутрь, они с удивлением обнаружили, что в комнате находились старейшины обеих семей, а также множество других высокоуважаемых персон. Осмотревшись, они даже заметили судью и двух его помощников. Увидев его, Сунь Чжигао слегка занервничал, однако его мать не выдала своих эмоций и спокойно заняла своё место, продолжая излучать ауру высокомерия.

Когда все закончили приветствовать друг друга, дядя Ху и Чансун повели судью и его помощников выпить чая. Подглядывавшая через дверную щель Пиньлань прошептала:

— Хорошо, что тут нет никого из семьи третьего дядюшки, иначе они осмеяли бы нас.

Допив чая, Шэн Вэй окинул комнату взглядом и сложил руки перед собой.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы обсудить разногласия между моей дочерью и моим зятем, Сунь Чжигао. Прошу простить нас за то, что мы втянули вас в наши семейные дела.

Глядя на то, как ведёт себя Шэн Вэй, Сунь Чжигао решил, что семья Шэн, видимо, собирается предложить ему сделку, так что он решил перехватить инициативу и пробормотал:

— Мой дорогой тесть, из всех трёх грехов, наиболее непростительным является бесплодие. Я сгораю от стыда из-за того что, будучи наследником семьи Сунь, в свои двадцать пять я до сих пор не имею детей. Теперь же, когда моя наложница беременна, нашу семью, несомненно, посетила большая удача. А приглядывать за наложницей — задача жены. Однако я совершенно не ожидал, что Шулань окажется столь ревнивой и невеликодушной. Отец, я знаю, что ты человек с жёсткими принципами, который следует правилам. Прошу, наставь свою дочь на путь истинный.

Несмотря на то что Шэн Вэй был добрым и честным человеком, бесстыжая речь Сунь Чжигао, искажающая факты, привела его в ярость.

Видя, как лицо её мужа багровеет, Ли Ши торопливо встала.

— Это внутренние дела дома, моему мужу не должно вмешиваться в них. Но мне, как матери, есть, что сказать, — с этими словами она повернулась к Сунь Чжигао и спросила. — Зять мой, могу я узнать, сколько наложниц моя дочь подыскала для тебя за три года вашего брака?

Не ожидавший этого вопроса Сунь Чжигао промычал нечто нечленораздельное.

— Спустя всего полгода после того, как моя дочь вышла за тебя, она предложила тебе троих бывших служанок, — тем временем продолжила Ли Ши. — И спустя ещё полгода двух других. На второй год их было уже четверо, на третий пятеро. Насколько мне известно, сейчас в твоём доме живёт уже дюжина наложниц!

Оттого, насколько бесцеремонно Ли Ши перечисляла его наложниц, Сунь Чжигао покраснел от смущения. На лицах присутствующих в комнате старейшин отразилось презрение, а мужчина из семьи, не слишком-то ладившей с семьёй Сунь, усмехнулся:

— Друг мой, теперь я понимаю, почему ты не сдал экзамены. Как же занят ты был!

Видя, что её сын сгорает от смущения, его мать вклинилась в разговор:

— Для мужчины вполне нормально иметь наложниц. А мой сын лишь хотел обрести наследника. Что в этом плохого?

— Лишь богам известно, желал ли он наследника или удовлетворить свою похоть, — фыркнула Шэн Юнь.

Сунь Чжигао был настолько зол, что был готов вот-вот сорваться. Заметив это, старейшина семьи Сунь попытался разрядить обстановку.

— Мои дорогие родственники, прошу, успокойтесь. Часто бывает, что семейные пары ссорятся, но затем тут же мирятся. Мы же семья, наше общение должно быть мирным. К чему все эти

перепалки?

— Верно! — воспользовалась случаем мать Суня. — Думаю, хватит ходить вокруг да около. Я не держу зла на мою невестку за то что она не смогла забеременеть, но она должна хотя бы принять в семью беременную наложницу, ведь если наложница родит сына, она тоже выиграет от этой ситуации.

— Мы собрались здесь как раз из-за этого, — ледяным тоном ответила Ли Ши. — Позволь поинтересоваться, дражайшая родственница, а что ты планируешь делать, если моя дочь откажется принимать эту наложницу в семью?

— Какой толк от такой жены?! Я изгоню её! — вскочив, воскликнул Сунь Чжигао.

— Прекрасно! Замечательно! Какой у меня воспитанный зять! — прорычал Шэн Вэй, не способный более сдерживать гнев.

Минлань стало жалко Шулань. Обернувшись, она увидела, что та дрожит и смотрит перед собой невидящим взглядом. Она продолжала сидеть прямо только из-за того что её поддерживала служанка.

— Будь я мужчиной, я бы выскочила наружу и начистила рожу этому гаду, — прошептала Пиньлань сквозь сжатые зубы.

«Даже пускай ты и девочка, твой двоюродный брат не слишком-то сильно тебе подходит», — глядя на свирепость Пиньлань, подумала Минлань.

Видя, что никто из семьи Шэн не собирается больше ничего говорить, Сунь Чжигао властно заявил:

— Одна ночь любви стоит сотни ночей дружбы! Если она сможет стать более добродетельной и заботиться о детях семьи Сунь, мы не будем держать на неё зла. Задумайтесь об этом! — закончив, он сел, расправив плечи и буквально излучая уверенность в том, что семья Шэн, определённо, не захочет терять такого зятя, как он.

Когда Ли Ши увидела столь наглое поведение Сунь Чжигао, её последние крохи сомнений испарились. Её разум затмила ненависть и желание убить его.

— Не утруждайся, — повисив голос, ответила она. — Мы, семья Шэн, слишком скромны для того чтобы быть связанными узами родства с таким великим учёным, как ты. Однако мы не согласны с тем, как ты хочешь поступить с моей дочерью. Это должен быть развод по соглашению сторон и мы забираем обратно всё приданое.

Сунь и его мать были ошеломлены этой речью, они не ожидали, что семья Шэн даст им столь

жесткий отпор. Остальные присутствующие также были шокированы и наперебой кинулись отговаривать её словами вроде «Не стоит действовать импульсивно» или «Разорвать брак — хуже, чем сжечь десять мостов».

Когда Сунь Чжигао, наконец, пришёл в себя, он громко воскликнул:

— Развод по соглашению? Ни за что! Подписать документ о разводе будет немножко чересчур щедрым поступком для неё!

— В тот момент, когда она попала в семью Сунь, её приданое стало нашим! — поддержала его её мать. — На каких основаниях вы собираетесь забрать его?

Видя, насколько велики их бесстыдство и алчность, а также насколько им наплевать на её дочь, Ли Ши, наконец, начала понимать тщательно продуманный план старшей пожилой госпожи. Хорошенько всё обдумав, она заявила:

— Непочтительная? Недобродетельная? Да как ты, бессердечная тварь, смеешь говорить такое? Да, ты хочешь сына, но разве моя дочь хоть раз пыталась помешать тебе? Пускай мы семья купцов, но нам известно, что такое женская добродетель и сыновняя почтительность. Для начала, грехом является бесплодие лишь спустя семь лет брака. Однако моя бедная дочь принялась подыскивать наложниц лишь спустя полгода после свадьбы, и ты смеешь обвинять её в ревности? За все три года, что она провела в твоём доме, две трети ночей она спала в покоях твоей матушки, подавая ей чай, готовя еду, и всячески обслуживая её. И не важно, насколько плохо вы с ней обращались, она никогда не перечила вам. И после всего этого ты называешь её непочтительной?

Вспомнив, насколько слабой и худой была её дочь в свои лучшие годы, Ли Ши почувствовала, как её переполняет горечь сожаления и не сумела сдержать слёз. Остальные присутствующие в комнате тяжело вздохнули и осуждающе посмотрели на Суня и его мать. Кто-то из них наверняка думал: как можно требовать от жены забеременеть, если ты даже не позволяешь ей спать вместе с мужем? Что за злая и жестокая свекровь!

Чувствуя на себе осуждающие взгляды всех присутствующих, мать Суня ощутила смущение, она изо всех сил старалась сохранить лицо, но румянец выдавал её. Сунь Чжигао, в свою очередь, сидел молча с опущенной головой.

Ли Ши к тому времени больше не могла сдерживать гнев и ненависть.

— Всё это время ты так обращалась с моей девочкой, и теперь ты хочешь изгнать её из семьи! И после всего этого забрать её приданое? Ну уж нет!

— Возможность изгнать свою жену — неотъемлемое право мужа. Как вы помешаете мне? — попытался воспротивиться Сунь Чжигао.

В ответ Ли Ши лишь усмехнулась. Вытащив из рукава какой-то свиток, она заявила:

— Ты опорочил честь учёного сообщества тем, что взял девку из борделя в наложницы. Этот свиток — контракт той певички и борделя, в котором она работала. Пусть ты купил ей свободу, но ты забыл уничтожить доказательства, ведущие к её прошлому! Может быть, мне следует отправить этот свиток письмом к твоему учителю? Или, например, к ответственному за образование в Цзиньлине? Тогда все твои товарищи, с которыми ты учился и писал стихи, узнают, насколько ты похотливый и бесстыжий человек! Возможно тебя и не изгонят из учёного сообщества, но со своей репутацией ты можешь попрощаться...

Сунь Чжигао изменился в лице, но он до сих пор пытался сохранить остатки самообладания.

— Пф! Все учёные по своей природе беспутные романтики. Взять даже четырёх одарённых учёных из Уханя. Все они нашли спутниц жизни в квартале красных фонарей.

— Но никто из них не притащил их домой, не говоря уже о том, чтобы позволить им иметь детей, — усмехнулась Шэн Юнь.

Сунь Чжигао уже хотел перейти на крик. Его сдерживало только то, что в соседней комнате сейчас сидел судья. Из речи Ли Ши старейшина семьи Сунь понял, что семья Шэн хорошо подготовилась к этому мероприятию. Казалось, невозможно было перетянуть чашу весов на свою сторону. В итоге старейшина семьи Сунь обратился к Сунь Чжигао и принялся убеждать его:

— В таком случае, тебе следует выслать эту женщину после того, как она родит. Менять свою жену на продажную девку — плохая идея.

Услышав это, Сунь Чжигао повёл себя как последний мерзавец, он расплакался и воскликнул:

— Нет, нет! Она такая прекрасная девушка! Она была лишь певичкой, вовсе не проституткой!

— Чушь собачья, — пробормотала сквозь зубы Пиньлань, сидевшая в соседней комнате.

— Ну да, конечно, — вздохнула Минлань. — Все прекрасные девушки всегда работают в борделях, а простолюдинки все поголовно добродетельные девы.

И эти прекрасные девушки частенько находили себе одного-двух щедрых спонсоров, после чего выходили на сцену с трогательными песнями и пьесами о настоящей любви.

Однако Шулань была не столь мудрой как Минлань. Услышав, как Сунь Чжигао восклицает о своей глубокой любви к продажной девке, она разрыдалась и спрятала лицо в носовом платке.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/645639>